

П.Р. Палажченко: «О встрече в Рейкьявике написано много, но мне кажется, что сюжет встречи часто теряется в многочисленных деталях и нередко искажается домыслами, не имеющими ничего общего с тем, что там произошло. Записи бесед опубликованы как американцами, так и нами (кстати, хотя правила ведения записи у нас и у них разные – от первого лица у нас и в изложении, т. е. от третьего лица у американцев – никаких существенных различий в них не обнаружено). Не раз высказывались и участники встречи, и хотя они дают разные интерпретации того, что там произошло (так, в книге бывшего директора Агентства по контролю за вооружениями США К. Адельмана главным героем выступает Рейган, «спасший программу СОИ»), фактическая сторона дела выглядит у всех одинаково.

Рейгану была нужна помощь Шульца, чтобы разобраться, что нового привез с собой Горбачев. А новое в предложениях, безусловно, было. Горбачев предложил резко упростить схему будущего договора о стратегических вооружениях – все сократить наполовину, в том числе советские тяжелые МБР (СС-18). Это был серьезный шаг, в ответ на который американцам предлагалось на 10 лет ограничить программу СОИ лабораторными исследованиями и на этот же период договориться о невыходе из Договора по ПРО. Ракеты средней дальности предлагалось сократить до 100 боеголовок. Эти позиции были утверждены в Политбюро.

Самым трудным вопросом была, конечно, проблема ПРО. Прежде всего потому, что программа СОИ была для Рейгана любимым детищем. Он был, как мне кажется, вполне искренен, когда говорил, что ее цель – сделать ядерное оружие “бессильным и устаревшим”. Искренен в том смысле, что он действительно считал ядерное оружие аморальным и хотел его уничтожения.

У нас Стратегическую оборонную инициативу, которую не мы, а американские журналисты окрестили программой “Звездных войн”, воспринимали совершенно иначе. В ней видели попытку получить после существенного сокращения ядерного оружия новую стратегическую

конфигурацию, позволяющую нанести первый удар и парировать ответный. Как минимум это дестабилизировало бы ядерный баланс.

Конечно, при тех уровнях СНВ, которые были тогда (да и в два раза меньших), развертывание системы ПРО сломать баланс не могло, но наши военные говорили, что надо видеть перспективу, потенциальные возможности, и настаивали на жесткой позиции. Кроме этого, Генштаб настаивал на необходимости договоренности о неразмещении в космосе оружия для поражения целей на Земле (что, кстати говоря, программой СОИ не предусматривалось).

У Рейгана были готовые тезисы, которые он отрабатывал на сто процентов. Большинство его аргументов носили нетехнический характер. Когда Горбачев спрашивал его, зачем нужна ПРО, если ядерное оружие будет, как хочет того сам Президент, полностью уничтожено, Рейган отвечал, что это будет своего рода противопогаз на всякий пожарный случай. Более того, говорил Рейган, мы будем готовы поделиться с вами технологиями ПРО.

Горбачев, естественно, реагировал на эту аргументацию, особенно на щедрое предложение “поделиться”, очень скептически (даже многие американцы удивлялись, что Президент США всерьез предлагает нечто подобное).

– Даже если я Вам поверю, господин Президент, – говорил Горбачев, – Вы уверены, что Ваш преемник повторит Ваше предложение?

Действительно, Рейгану оставалось доработать два года. Но для меня это было скорее аргументом в пользу того, чтобы не устраивать сыр-бор вокруг программы СОИ, имевшей все шансы быть тихо похороненной, а договариваться по тем вопросам, которые уже созрели для решения.

Но разговор все время упирался в программу СОИ, и – поразительное дело – до сего дня она остается если не камнем преткновения, то во всяком случае мощным раздражителем в отношениях между Россией и США. Американцы, конечно, развязали себе руки, выйдя в 2002 году из Договора по ПРО, но гонка противоракетных вооружений так и не началась, а страхи,

которые время от времени у нас нагоняют по этому поводу, как теперь уже многим ясно, сильно преувеличены.

В первый день саммита, хотя разногласия были глубокими, тон беседы был совершенно неконфронтационным. Часов в шесть вечера советская делегация вернулась на теплоход. Участники переговоров, разбившись на небольшие группы, разговаривали в кают-компаниях в ожидании Горбачева. Я оказался рядом с академиком Сагдеевым, которого я к тому времени уже довольно хорошо знал, и Велиховым, с которым я ближе познакомился позже.

Не помню уже, кто из них, кажется Велихов, довольно откровенно высказывался о нагнетании страстей по поводу СОИ.

– Это все лишнее, только тормозит переговоры, – сказал он. – А позицию насчет запрета космического оружия для нанесения ударов по земным целям лучше вообще снять. Никто этого делать не будет, бессмысленная затея.

Как мы это знаем, этот прогноз подтвердился.

Появившийся через несколько минут Горбачев пригласил всех за длинный стол и попросил меня прочитать по записи основные моменты беседы. Время от времени он вставлял свои комментарии. Поскольку в конце беседы лидеры договорились о том, что вечером (фактически ночью) поработают эксперты, он поручил маршалу Ахромееву возглавить группу с нашей стороны. С американской стороны группу возглавлял П. Нитце.

Экспертам удалось согласовать основные параметры будущего договора по стратегическим наступательным вооружениям. Схема оказалась несколько сложнее, чем предлагал Горбачев, но в целом понятной и не перегруженной техническими деталями. Прогресс был налицо, но снова возникла проблема ПРО. Рейган заявил, что не может согласиться на ограничение программы лабораторными исследованиями даже на срок в 10 лет. К тому же выяснилось, что положение о невыходе из Договора по ПРО американцы толкуют, мягко говоря, своеобразно: как положение об автоматическом выходе из Договора через 10 лет.

Горбачев еще раз спросил – зачем понадобится ПРО, если мы договоримся о полном уничтожении ядерного оружия в течение того же десятилетнего срока. И тут разговор пошел в направлении, которое удивило многих в американской делегации, а также союзников США, особенно англичан, когда они узнали о содержании этого разговора.

Рейган сказал, что он хочет мира без ядерного оружия и готов обсудить ликвидацию “не только стратегических ракет, но и тактических, и оружия поля боя тоже”. Это был, скорее всего, экспромт, во всяком случае я уверен, что ничего подобного в заготовленных для Рейгана тезисах не было. В доктринах США и НАТО ликвидация ядерного оружия обставлялась многочисленными условиями, но Рейган о них не упоминал. Я обратил внимание на то, что Шульц даже не пытался его остановить или подкорректировать.

Было ли это связано с его собственными соображениями, или с сомнениями относительно СОИ, или же он хотел посмотреть, насколько далеко его Президент готов зайти в этом обсуждении? Трудно сказать. Но я помню, что в конце 80-х гг., когда Шульц уже не занимал своего поста, он встречался с Шеварднадзе в Нью-Йорке и сказал ему следующее: “Когда наши лидеры, каждый по-своему, заговорили о мире без ядерного оружия, эксперты считали, что они неправы, что это недостижимая цель. Но эксперты не поняли, что Рейган и Горбачев – лидеры, политики, которые почувствовали одну важную вещь: этого хотят люди, это отвечает их чаяниям”.

Общеизвестно, что рейкьявикская лодка разбилась о СОИ. Но трактовка этого факта – разная. В США распространено мнение, что Горбачев заманил Рейгана в Рейкьявик, чтобы уговорить его отказаться от этой программы или выхолостить ее, но Рейган стоял твердо и не поддался. Это очень примитивная интерпретация. Предложение ограничить программу лабораторными исследованиями не могло привести к ее прекращению, тем более что (особенно после саммита) мы давали понять, что готовы трактовать понятие лаборатории довольно широко.

Как показывают последующие события, программа СОИ – как проект глобальной противоракетной обороны – замедлилась сама по себе, хотя бы потому, что бросать деньги на ветер ни Конгресс, ни администрация Дж. Буша не хотели. Но Рейган фактически хотел, чтобы Горбачев дал зеленый свет ничем не ограниченным испытаниям и развертыванию ПРО, обещая поделиться технологиями, рисуя перспективы сотрудничества и партнерских отношений во всех областях. Пойти на это Горбачев не мог.

Когда я вышел вместе с двумя лидерами к американскому кортежу, по поведению Рейгана и его последним словам было заметно, что он очень огорчен. Последний обмен репликами в разных источниках, в том числе в мемуарах М.С. Горбачева, цитируется по-разному. Это понятно: память – не магнитофонная лента, да и лента стирается. Мне он запомнился так:

– Мне очень жаль, – сказал Рейган, – что Вы поставили меня в такое положение.

(Слово «заманили», насколько я помню, Рейган не произносил.)

– Господин Президент, – ответил Горбачев, – я предложил Вам максимум того, что мог. И готов вернуться, чтобы сейчас же вместе с Вами подписать.

– Очень жаль, – еще раз сказал Рейган.

Американская делегация сразу после этого покинула Рейкьявик. Шульц перед отлетом успел сделать короткое заявление, охарактеризовав встречу как неудачную. А Горбачеву предстояла пресс-конференция. До места ее проведения было пять-десять минут ходьбы, и я шел рядом с Е.М. Примаковым, который расспрашивал меня о подробностях завершившихся переговоров. Конечно, всех интересовал один вопрос: что скажет Горбачев? (Совещания с членами делегации он перед пресс-конференцией не проводил.)

В зале было больше ста журналистов, настроение среди них было подавленное – они уже знали о заявлении Шульца. Видимо, знал о нем и Горбачев. Как потом вспоминали он и Черняев, директивы Политбюро

предусматривали в случае отклонения советских предложений использовать пресс-конференцию для осуждения позиции США как не соответствующей интересам международной безопасности и разоружения. Это было бы проще всего: сказать, что, цепляясь за программу СОИ, Президент США отверг возможность масштабного сокращения вооружений. Но Горбачев неожиданно для многих сказал, что то, что произошло на встрече, “не провал, а прорыв”.

Должен сказать, что переводя его выступление, я внутренне соглашался с Горбачевым. “Мы заглянули за горизонт, – продолжал он, – мы говорили о мире без ядерного оружия. И я, и Президент за то, чтобы избавить мир от оружия. Мы по-разному видим путь к этой цели, но оба согласны, что надо начать с сокращения наполовину стратегических наступательных вооружений и ликвидации РСД в Европе. Теперь надо всем обдумать ситуацию. Мы подумаем, как быть дальше. Пусть подумает Президент, Конгресс. Я уверен, что мы продолжим диалог”.

Это не стенографическая запись, но суть сказанного в тот вечер Горбачевым была именно такой. И я думаю, время подтвердило, что его реакция на произошедшее была оптимальной. Основные параметры договоренностей, достигнутых в Рейкьявике, стали сигналом к прекращению наращивания ядерных вооружений, изменению планов военного строительства. В 1987 и 1991 гг. на основе этих договоренностей были подписаны Договоры по РСМД и СНВ». *(Палажченко П.Р. «Профессия и время. Записки переводчика-дипломата». С. 118-124.)*